

ЖАВОРОНОКЪ

ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1915 г.

Годъ третій.

Выпускъ 16-й.

1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

ИМПЕРАТОРСКІИ
МОСКОВСКІИ, ГЛАВНОУСАДСКІИ
МУЗЕЙ

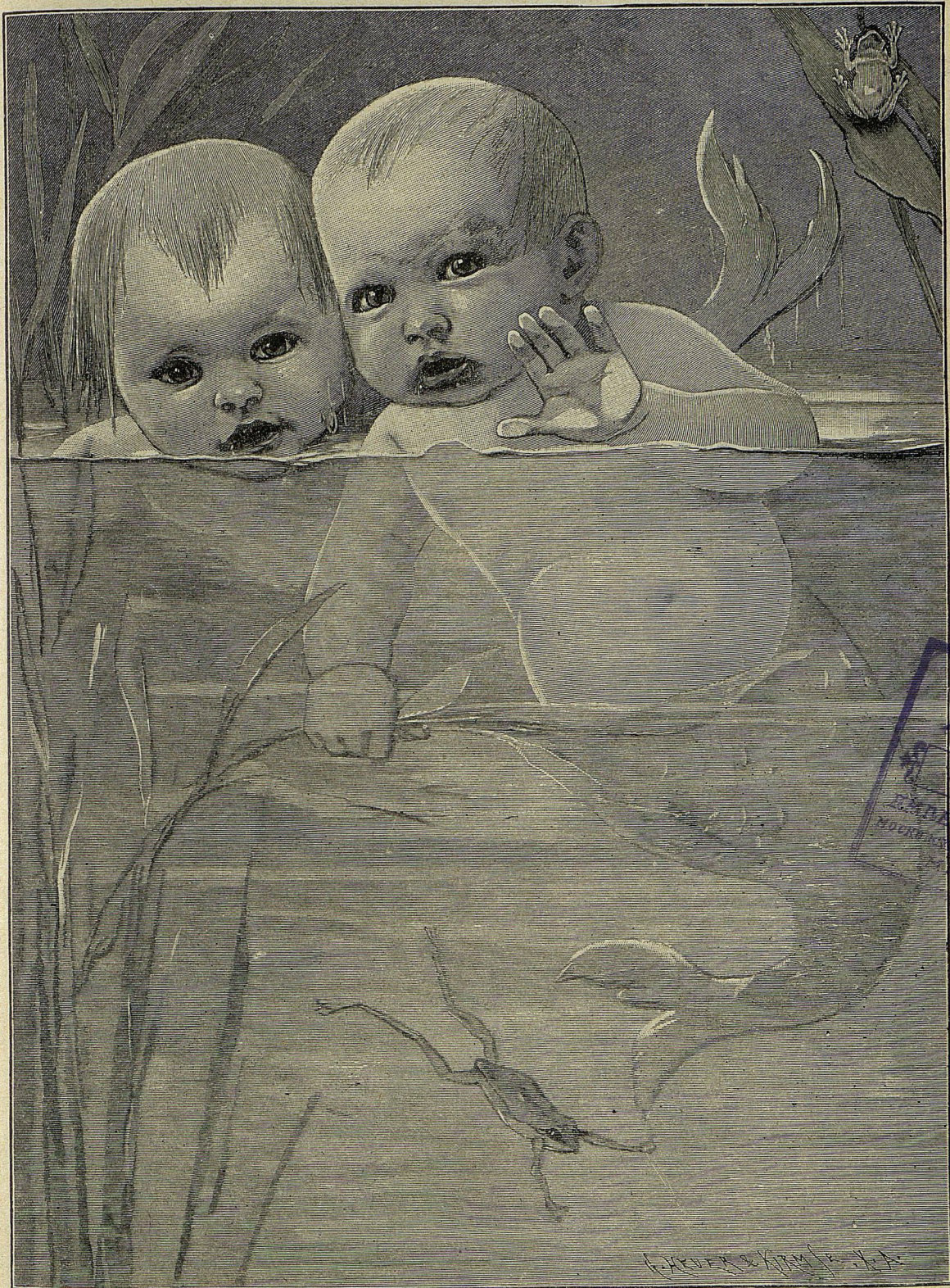

Г. М. Мейнцольтъ.

Свидѣтели далекаго прошлаго.

15-го августа 1915 г.

Жаворонокъ.

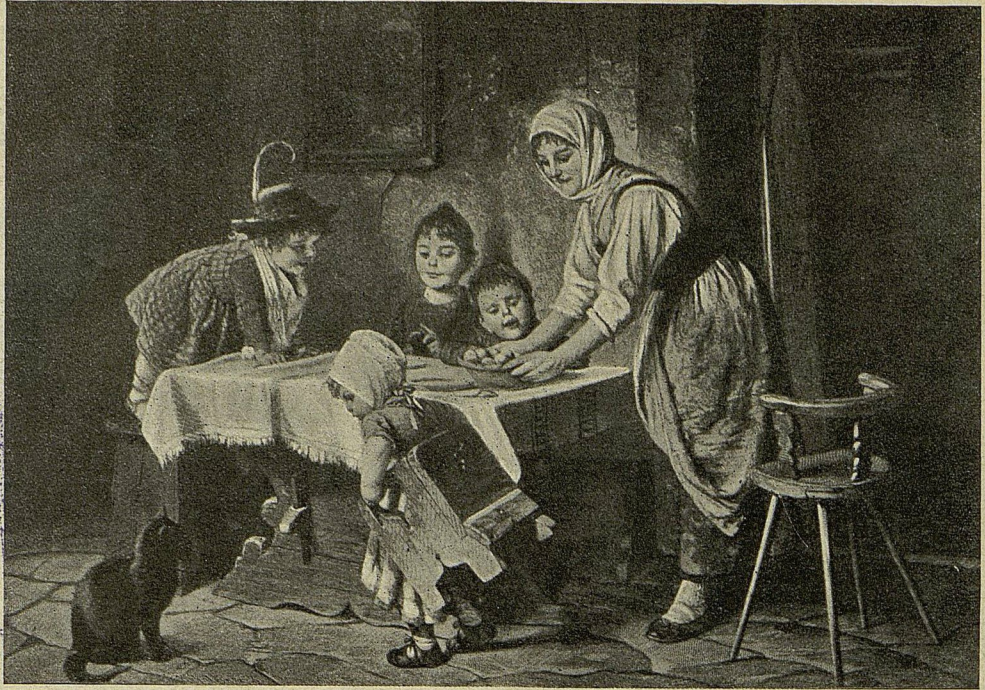

Г. Фрешль.

СКАЗКА ПОДВОДНАГО ЦАРСТВА.

Годъ 3-й.

Выпускъ 16-й.

Каульбахъ.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ.

Жалоба сиротки.

Все утро я плакала... Маму
Я видѣла ночью во снѣ:
Ребенкомъ ложусь я въ кроватку,
И мама подходитъ ко мнѣ,

Потомъ вижу ниву родную;
Розь мама высокую жнетъ,
А я васильки собираю;
Жнетъ мама и пѣсню поетъ.

Играетъ со мною, смѣется,
Ласкаетъ, цѣлуетъ меня,
Уходитъ и набожно креститъ:
«Спи, милая крошка моя»...

По небу крылатая тучка
Проносится вольной толпой;
Волнами широкими вѣтеръ
Гуляетъ по ржи золотой.

Проснулась... и плакала долго...
Одна-одинешенька я!
Въ могилъ сырой и холодной
Спитъ милая мама моя.

Л. Андрусонъ.

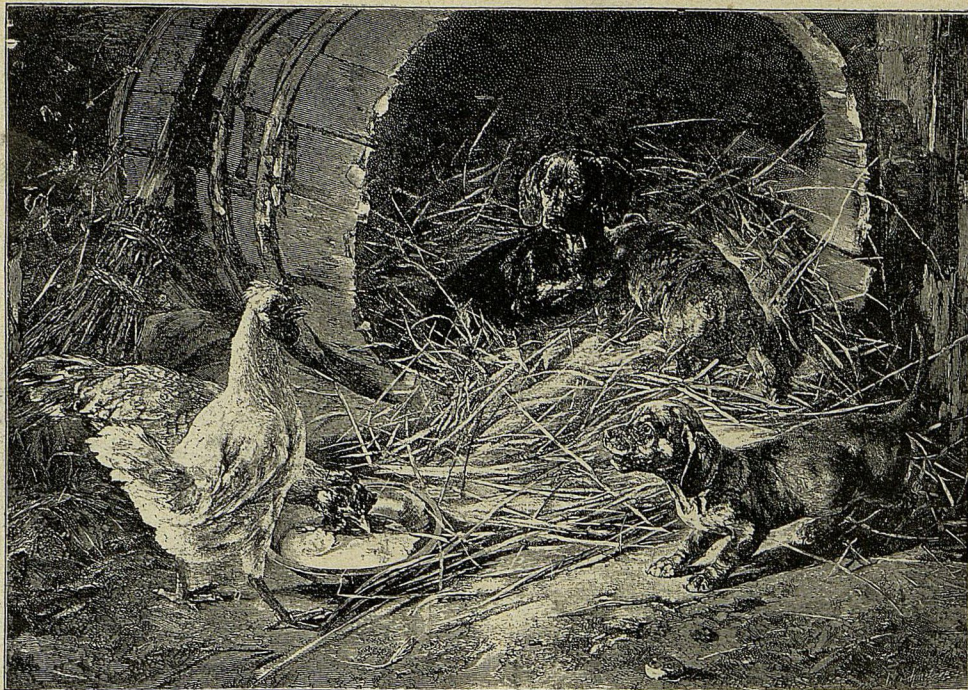

ИМПЕРАТОРСКІЙ
САКСКОМУЗЕЙСКОМУ
МУЗЕЮ

М. Махаль.

ЗАБЛУДИЛАСЬ.

Арендтс.

КТО ВЫ ТАКИЕ?

Собачій хуторъ.

Разсказъ В. Я. Ленскаго.

На разсвѣтъ Куцый проснулся отъ жестокаго укуса какой-то злой мухи. Онъ взвизгнулъ, дернулся всѣмъ тѣломъ и, яростно щелкнувъ зубами по воздуху, вскочилъ на всѣ четыре ноги. Спросонокъ, не понявъ, въ чемъ дѣло, онъ было зарычалъ, но во дворѣ не было никого, кто могъ-бы причинить ему какую-нибудь непріятность. Дворъ былъ тихъ, пусть; въ запертой голубятнѣ еще не возились и не ворковали голуби; посреди двора, около лохани съ водой, спали двѣ утки, завернувъ голову подъ крыло; на перилахъ террасы сонно мурлыкала бѣлая кошка Мурка, съ которой у Куцаго былъ давно уже заключенъ прочный, дружественный миръ.

Осмотрѣвшись, Куцый успокоился, вытянулъ переднія лапы и, положивъ на нихъ морду, съ удовольствіемъ, протяжно зѣвнулъ. Потомъ почесалъ себя сбоку задней ногой, поискалъ зубами около хвоста, вмѣсто котораго у него торчалъ только маленькій, тупой обрубокъ, и, переваливаясь въ обѣ стороны, серьезно, дѣловито потрусилъ къ воротамъ... Это была самая простая дворняга, средняго собачьяго роста, съ желто-сѣрой, клочковатой шерстью, длинной, острой мордой и короткими ушами. Онъ забрелъ сюда щенкомъ, двухъ-трехъ мѣсяцевъ отъ роду и, попавъ подъ покровительство семилѣтней дѣвочки Кати, зажилъ здѣсь сытной, веселой и спокойной жизнью.

Выбравшись черезъ подворотню на улицу, Куцый тотчасъ же оскалилъ зубы и сердито зарычалъ, и на его спинѣ шерсть встала щетинистымъ горбомъ.

Около воротъ стояла чужая собака—большой, гладкій, рыжій лягашъ, съ длинными, висящими ушами и розовымъ носомъ. Ворча и слегка повизгивая отъ злости, Куцый обошелъ его со всѣхъ сторонъ, обнюхаль, отошелъ немного въ сторону и съ хриплымъ лаемъ сталъ яростно готовиться къ дракѣ, отбрасывая задними ногами пыль и мелкіе камешки, словно расчищая мѣсто для сраженія. Лягашъ струсиль, поджалъ хвостъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, выжидалъ удобнаго момента, чтобы улизнуть. Но такъ какъ этотъ моментъ долго не представлялся—онъ покорно легъ на спину, раскорячивъ ноги и показывая свой голый, розовый животъ. По его вздрагивавшему отъ страха тѣлу видно было, что онъ готовъ, при малѣйшемъ злонамѣренномъ движеніи противника, вскочить и задать отчаяннаго стрекача. Куцый, съ видомъ побѣдителя, подошелъ къ нему и снова сталъ обнюхивать—и тутъ уже лягашъ не выдержаль, завизжалъ, вскочиль и какъ-то бокомъ, поджимая хвостъ, побѣжалъ по улицѣ, опасно оглядываясь. ожидая нападенія. Оставшись у воротъ и съ притворнымъ равнодушіемъ глядя куда-то въ сторону, Куцый далъ ему уйти шаговъ на десять, и когда тотъ считаль уже себя въ полной безопасности—вдругъ сорвался съ мѣста и, нагнавъ въ три прыжка, цапнулъ его сзади зубами за ногу. Лягашъ жалобно взвыль, опрокинулся на спину и кувыркомъ покатылся по мостовой, преслѣдуемый рычащимъ и захлебывающимся отъ злости врагомъ...

Въ самомъ разгарѣ драки Куцый вдругъ услыхаль крикъ, зловѣще прозвучавшій въ пустой, еще глубоко спавшей утреннимъ сномъ улицѣ:

— Держи!..

Въ ту же минуту тонкая, веревочная петля захлестнула ему шею. Онъ дернулся въ сторону, петля затянута еще туже. Его потянули, онъ сначала упирался всѣми четырьмя лапами, хрипя и задыхаясь, потомъ вдругъ потеряль равновѣсіе и упаль на бокъ, дрыгаясь всѣмъ тѣломъ, тщетно пытаясь встать на ноги. Когда его доволокли до телѣги, стоявшей за угломъ, и бросили въ клѣтку—онъ энергично отряхнулся, довольный тѣмъ, что хоть избавился отъ душившей и рѣзавшей шею петли. Нѣкоторое удовлетвореніе доставило ему также и то, что въ клѣтку, вмѣстѣ съ нимъ, попалъ и рыжій лягашъ. Онъ покосился на того и выразительно порычалъ. Но все же Куцому было очень грустно, и ему больше не хотѣлось кусать лягаша...

Въ клѣткѣ собралось многочисленное и разнообразное общество: два лягаша пять дворнягъ, черная съ коричневой мордой такса, нечистой породы фокс-террьеръ, черная, мохнатая овчарка и старый, огромный, грустный ньюфаундлендъ, занимавшій почти третью часть клѣтки.

Куцый забился въ уголь, испугавшись такого большого собачьяго общества. У него смутно вставало въ сознаниі представленіе о покинутомъ дворѣ, о дѣвочкѣ Катѣ, выходившей по утрамъ на террасу съ кускомъ хлѣба, предназначеннымъ для него—и тоскливая злоба овладѣвала его сердцемъ. Прикорнувшая около него такса заскулила тонко и протяжно, но тотчасъ же, съ громкимъ, отчаяннымъ визгомъ боли, шарахнулась отъ него подъ ногу ньюфаундленда и тамъ долго облизывала себѣ спину, на которой Куцый оставиль глубокіе слѣды своихъ острыхъ, какъ гвозди, клыковъ.

По пути были сдѣланы двѣ остановки, во время которыхъ общество клѣтки пополнилось бѣлой болонкой, съ красными, слезящимися глазами, и сердитымъ курносимъ мопсомъ. Послѣ этого телѣга покатылась быстрѣе, и клѣтку

стало трясти такъ сильно, что собаки падали съ ногъ, и даже ньюфаундлендъ принужденъ былъ опуститься на заднія лапы.

Скоро выѣхали за городъ, въ поле, и здѣсь телѣгу съ клѣткой окутало густое облако пыли, въ которомъ можно было дышать только съ сильно высунутымъ языкомъ. За три версты отъ города вдругъ пахнуло густымъ, нестерпимымъ смрадомъ свалки нечистотъ, и тучи мухъ закружили надъ собачьей клѣткой. Въ сторонѣ вынырнулъ длинный рядъ телѣгъ ассенизаціоннаго обоза, съ грязными вонючими бочками, съ поднятыми кверху оглоблями. Раздраженные пылью, тряской, удушливымъ зловоніемъ и жестокими укусами мухъ, собаки еще ожесточеннѣе лѣзли одна на другую, грызлись, тыкались головами въ щели, визжали, лаяли, скулили. И громче, пронзительнѣе всѣхъ кричалъ мопсъ, застрявшій своей широкой головой между прутьями клѣтки...

Телѣга остановилась среди поля, около низкаго, деревяннаго сарая, къ которому примыкала землянка съ короткой, заткнутой тряпками, трубой. Противъ сарая стояла небольшая, крытая соломой, избенка, изъ которой вышелъ длинный, сухой старикъ, съ козлиной, бѣлой бородкой. Затихшія было отъ внезапной остановки, собаки увидѣли разостланныя неподалеку на землѣ собачьи шкуры и залились громкимъ лаемъ. Старикъ ходилъ вокругъ телѣги, разглядывалъ добычу и, тыкая кнутовищемъ то въ одну, то въ другую собаку, рассуждалъ самъ съ собой:

— Эта ничего, и эта, и вонъ та... за ними придуть, заплатятъ. А хоть и не заплатятъ, такъ можно продать... Ну, а эти,—онъ ткнулъ овчарку, Куцаго и другихъ дворнягъ:—дрянь, шкурный товаръ... долго держать не стоить...

Мопсъ продолжалъ еще визжать и крутить головой въ щели; старикъ ударилъ его кулакомъ по носу и втолкнулъ внутрь клѣтки его морду. Куцый испуганно скулилъ, слѣдя за старикомъ злыми, подозрительно насторожившимися глазами...

Клѣтку сняли съ телѣги, приставили ее къ открытой двери сарая и, поднявъ дверцу, стали хлестать по клѣткѣ кнутами, выгоняя изъ нея собакъ. Куцый первый бросился къ выходу—и взвизгнулъ, почувствовавъ, что падаетъ въ яму. За нимъ, съ лаемъ и визгомъ, посыпались изъ клѣтки остальные плѣнники. Послѣднимъ, тяжело, нехотя, съ сознаниемъ собственного достоинства, спрыгнулъ въ яму старый, ничему не удивлявшійся ньюфаундлендъ. Дверь сарая захлопнулась, и собаки очутились въ темнотѣ.

Ошеломленные наступившей тишиной и мракомъ, онѣ долго лежали неподвижно, отдыхая отъ тряски и давки, наслаждаясь прохладой и покоемъ. Изрѣдка то одна, то другая слабо взвигивали, зализывая раны и ушибы, полученные во время путешествія въ клѣткѣ. Куцый растянулся на влажной, холодной землѣ и скоро заснулъ. Ему снилась кухарка Авдотья съ чашкой теплыхъ помоевъ, въ которыхъ плавали обрѣзки мяса, хлѣбныя корки, жирныя кости, онъ ѣлъ ихъ и не могъ до конца съѣсть и чувствовалъ себя до тошноты сытымъ, отяжелѣвшимъ, едва державшимъ на ногахъ свой широко раздувшійся отъ ѣды животъ. Но когда онъ проснулся—отъ этого чудеснаго чувства не осталось и слѣда. И его тошнило не отъ сытости, а, напротивъ, отъ голода, уже сильно дававшего себя чувствовать. Онъ всталъ и долго, безпокойно ходилъ въ темнотѣ, обнюхивая земляные стѣны и полъ, натываясь и глухо ворча на спящихъ собакъ. Нигдѣ не было ничего такого, что можно было-бы съ удовольствіемъ проглотить; онъ нашелъ только большую жестянку съ грязной, провонявшей водой, полакалъ изъ нея немного и, вернувшись на свое мѣсто, снова растянулся и заснулъ.

На этотъ разъ ему снилось, или скорѣе вспомнилось во снѣ, какъ онъ въ прошломъ году сидѣлъ въ этомъ же сараѣ и вдругъ—открывается дверь, и въ яркомъ свѣтѣ ея четырехугольника, неизвѣстно, какъ и откуда, появляются его хозяинъ и Катя. Дѣвочка наклоняется черезъ порогъ и громко зоветъ:

— Куцый!.. Куцынькій!..

Куцаго вытаскиваютъ веревочной петлей наверхъ, онъ бросается къ дѣвочкѣ, кладетъ ей на плечи лапы и лижетъ ея щеки, носъ, губы; Катя смѣется, обнимаетъ его ручками, цѣлуетъ въ морду и радостно повторяетъ:

— Куцый, миленькій, бѣдненькій!..

Одурѣвшій отъ яркаго свѣта и восторга, онъ визжитъ, лаетъ, катается по землѣ, прыгаетъ; потомъ ѣдетъ съ хозяиномъ и дѣвочкой на дрожкахъ и все не можетъ успокоиться, соскакиваетъ съ дрожекъ, лаетъ на лошадь и воронъ, снова впрыгиваетъ въ пролетку и лижетъ Катѣ лицо, ручки, ботинки... А когда пріѣхали домой—въ какомъ дикомъ, бѣшеномъ восторгѣ гонялъ онъ по двору утокъ и голубей, вертѣлся на террасѣ, прыгалъ около Авдотьи! И какъ вкусно онъ тогда пообѣдалъ!..

Куцый проснулся поздно вечеромъ въ сильномъ волненіи и сталъ напряженно слушать: не идетъ-ли хозяинъ, не зоветъ-ли его дѣвочка своимъ тоненькимъ голоскомъ?..

За стѣнами сарая стояла глубокая, мертвая тишина. Только лошади гдѣ-то жевали и фыркали, и въ полѣ стоялъ ровный, непрерывный звонъ кузнечиковъ, и гдѣ-то въ щели сарая отрывисто, монотонно трещалъ сверчокъ... Выспавшіяся, голодныя собаки бродили по ямѣ, обнюхивая углы, лакая воду, огрызаясь другъ на друга. Въ одномъ углу сцѣпились двѣ дворняжки, покусали одна другую и потомъ долго повизгивали отъ боли, зализывая раны.

Куцый чувствовалъ въ желудкѣ мучительную тоску голода; опять вспомнился Катинъ кусокъ хлѣба, помои, кости—и его животъ передернула острая судорога пустоты. Онъ положилъ голову на переднія лапы, закрылъ глаза и протяжно, въ одну ноту, громко завылъ. И вылъ онъ безконечно долго, безнадежно, не поднимая головы, не открывая глазъ—вылъ о своей сытной, спокойной жизни, о веселой бѣготнѣ съ Катей, о хозяинѣ и Авдотѣ, о родномъ дворѣ, голубятнѣ, уткахъ, кошкѣ Муркѣ. И собаки, одна за другой, стали подвывать ему, все громче, протяжнѣй, заунывнѣй, и каждая выла о своемъ, но всѣ были одинаково тоскливо и жалобно—отъ голода, темноты и ночного, непонятнаго страха, навѣяемаго чужимъ, незнакомымъ мѣстомъ...

Утромъ вдругъ открылась дверь и, ослѣпленный ворвавшимся въ яму свѣтомъ яркаго, солнечнаго дня, Куцый залился оглушительнымъ лаемъ, ожидая увидѣть сейчасъ хозяина и Катю, которые возьмутъ его домой. Но въ дверяхъ появилась узкая деревянная лѣстница, медленно поползшая внизъ, и по ней спустился въ яму длинный старикъ съ кнутомъ. Куцый озадаченно умолкъ и, отойдя въ сторону, съ враждебнымъ любопытствомъ слѣдилъ за движеніями непрошеннаго гостя.

Выйдя на середину ямы, старикъ долго прищуренными отъ полумрака глазами разсматривалъ своихъ заключенныхъ.

Дворняжкамъ онъ укоризненно покачалъ головой, словно пенялъ имъ за то, что они—не породистыя собаки; ньюфаундленду махнулъ рукой, какъ будто бросая что-то въ воду и приглашая его нырнуть; мопсу, болонкѣ и фоксъ-террьеру погрозили пальцемъ, а охотничьимъ лягашамъ, дѣлая видъ, что стрѣляетъ изъ ружья, крикнулъ во все свое старческое горло:

— Ба-ба-ахъ!.. Пиль!..

Куцый забился въ уголь, и оттуда послышалось его сдержанное, сердитое:

— Rrrr... вавъ! вавъ!..

Старикъ щелкнулъ въ его сторону кнutomъ, на что Куцый отвѣтилъ уже громкимъ, яростнымъ лаемъ.

— Говори!—сказалъ старикъ, равнодушно поворачиваясь къ нему спиной.

Онъ присѣлъ на корточки около полукруглой желѣзной дверцы, вдѣланной около самага пола въ стѣну ямы, и долго возился тамъ, отвинчивая ржавые гайки и винты, поколачивая молотомъ по желѣзу, стараясь вытащить створки, глубоко вдавленные въ земляной полъ.

Тѣмъ временемъ, старый, умный ньюфаундлендъ, съ безпечнымъ, равнодушнымъ видомъ обнюхивавшій стѣны, незамѣтно приблизился къ лѣстницѣ, приставленной къ порогу раскрытой двери, обнюхалъ и ее—и вдругъ, тяжело поднявшись на заднія лапы и положивъ переднія на третью перекладину лѣстницы, съ неуклюжей легкостью, въ два прыжка взобрался наверхъ и выскочилъ въ дверь. Оглянувшійся въ эту минуту старикъ увидѣлъ только мелькнувшій въ дверяхъ его пушистый хвостъ и закричалъ, что было силы:

— Стой, анаѰема!.. Держи!..

И бросился самъ къ лѣстницѣ. Но ньюфаундлендъ, должно быть, былъ уже такъ далеко, что гнаться за нимъ было бесполезно. Это видно было уже изъ того, что старикъ дальше верхней перекладины лѣстницы не пошелъ; приложивъ ладонь козырькомъ надъ глазами, онъ только смотрѣлъ вслѣдъ бѣглецу, качалъ головой и съ досадой бормоталъ:

— Ушелъ-таки!.. Ахъ ты, шельмецъ!.. Скажи, пожалуйста!..

Разводя руками и бормоча ругательства, онъ спустился внизъ, сбросивъ на землю лѣстницу, и, сердито погрозивъ сухимъ, жилистымъ кулакомъ жавшимся по угламъ собакамъ, снова принялся за свою работу у желѣзной дверцы.

Куцаго взволновало неожиданное бѣгство ньюфаундленда, давшее ему понять, что можно, и недожидаясь прихода хозяина и Кати, очутиться на свободѣ; и хотя теперь безъ лѣстницы дверь была недостижима, все же она представляла наглядную возможность спасенія и неодолимо тянула его къ себѣ. Онъ прокрался по стѣнкѣ къ тому мѣсту, надъ которымъ сияла голубымъ небомъ дверь, присѣлъ и, глядя вверхъ, повизгивая, съ нервной нерѣшительностью перебиралъ передними лапами; наконецъ, низко пригнувшись къ землѣ всѣмъ тѣломъ, подпрыгнулъ, болтнулъ въ воздухъ всѣми четыремя ногами, слегка зацѣпилъ за земляную стѣну ногтями переднихъ лапъ, не удержался и, сорвавшись, съ жалобнымъ визгомъ полетѣлъ обратно въ яму...

Старикъ только повернулъ къ нему голову и насмѣшливо сказалъ:

— Прыгай, прыгай!..

Сконфуженный своей неудачей, Куцый отошелъ въ уголь и жалобно заскулилъ, глядя оттуда на свѣтлый, заманчивый и недостижимый четырехугольникъ двери... Вытащивъ, наконецъ, обѣ створки дверцы, старикъ поднялся и, помахивая кнutomъ, направился къ собакамъ. Двигаясь по ямѣ взадъ и впередъ и гоня собакъ съ мѣста на мѣсто, онъ добился того, что всѣ дворяги собрались вмѣстѣ въ одномъ углу; тогда онъ сталъ на нихъ наступать сбоку и, пугая свистомъ, крикомъ и щелканьемъ кнута, заставлялъ ихъ, одну за другой, спасаться отъ него въ отверстіе, которое раньше было закрыто желѣзной дверцей. Загнавъ туда всѣхъ дворянгъ, въ томъ числѣ и Куцаго, онъ снова приладилъ дверцу, вдавилъ

створки въ землю, завинтилъ винты и гайки, присыпаль снизу землей и затопаль ногами...

Новое помѣщеніе было значительно меньше и ниже сарая, и здѣсь тоже было темно, только въ потолкѣ, въ концѣ длинной, узкой трубы, свѣтился маленькій кружокъ синяго неба. Попавъ сюда, Куцый, первымъ дѣломъ, обнюхаль всѣ стѣны и углы, потомъ поцарапался когтями въ дверцу, опять обошелъ кругомъ вдоль стѣны и, не найдя выхода, поднялъ морду къ отверстию въ потолкѣ и глухо завылъ. Это отверстіе такъ же манило и приковывало къ себѣ глаза, какъ и раскрытая дверь сарая, но оно было еще менѣе достижимо и не вызывало даже и тѣни мысли о прыжкѣ къ нему... Вдругъ синій кружокъ неба исчезъ, отверстіе сверху чѣмъ-то закрыли, и оттуда медленно опустилось на цѣпи какое-то чудовище, глядѣвшее во всѣ стороны круглыми, огненно-красными глазами. Куцый отпрыгнулъ въ сторону и залился злобнымъ, испуганнымъ лаемъ...

Чудовище опустилось и стало на полъ своими тремя короткими, кривыми ногами. Это была маленькая, круглая, желѣзная печь, наполненная горящими, красными углями. Кругомъ нея на земляной полъ легъ тусклый, багровый отсвѣтъ, и въ воздухѣ потянуло дымно-кислымъ угаромъ.

Куцый, молча, обошелъ ее кругомъ, осторожно приблизился, понюхаль и, чихнувъ, съ недовольнымъ видомъ отошелъ къ стѣнѣ. То же самое продѣлали и другія собаки и, уйдя подальше, долго чихали и фыркали, сердито косясь на печь...

Почувствовавъ въ воздухѣ что-то неприятное, Куцый забеспокоился, потянулъ носомъ и потомъ, опустивъ морду къ землѣ, старательно теръ себѣ носъ то одной, то другой лапой; но неприятное ощущеніе въ носу не прекращалось, а, напротивъ, усиливалось. Онъ взвизгнулъ, сорвался съ мѣста и побѣжалъ кругомъ вдоль стѣны, снова нюхая и ища выхода; поскребся въ дверцу, хрипло залаялъ и прислушался. Ему отвѣтили собаки, оставшіяся въ сараѣ, и глухой лай ихъ казался страшно далекимъ, непонятнымъ. Куцый опять поскребся и залаялъ, но уже не сталъ слушать, потому что рѣжущее ощущеніе въ носу становилось нестерпимымъ. Онъ присѣлъ и сталъ ожесточенно рыть передними лапами землю, засовывая морду въ вырытую ямку и втягивая носомъ влажную, сырую прохладу земли. Это помогло, но не надолго. Его охватывала тоска, становилось все труднѣе дышать, тошнило. Онъ съ трудомъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и упалъ на всѣ четыре лапы. Попробовалъ подняться—и уже не могъ. Хотѣлъ завыйть отъ тоски и страха, раскрылъ пасть—и только судорожно зѣвнулъ, щелкнувъ зубами...

И вдругъ, гдѣ-то близко-близко зазвенѣлъ знакомый, тоненькій голосокъ: — Куцый!.. Миленькій!..

И сердце Куцаго слабо екнуло отъ радости... Онъ вздрогнулъ, поднялъ голову, тупо посмотрѣлъ передъ собой—и, устало закрывъ глаза, медленно повалился на бокъ. Смутно промелькнули въ густой темнотѣ угасающаго собачьяго сознанія лица Кати, Авдотьи, хозяина, проплыли утки, кошка Мурка, терраса, голубятня—и все исчезло...

Черная, мохнатая овчарка, шатаясь, подошла къ нему, полизала его черный, еще влажный носъ и, какъ подкошенная, упала на него, дергая задними ногами. Куцый уже ничего не чувствовалъ...

В.л. Ленскій.

Водчинскій.

ДѢТСКІЙ КАРНАВАЛЬ.

На трапеціи.

Разсказъ Кармень.

Въ крайнемъ и тѣсномъ номерѣ дешевой гостиницы «Ришелье»—полумракъ.

Свѣтитъ неровнымъ свѣтомъ одна лампадка, вырисовывая по грязнымъ стѣнамъ съ дешевыми обоями пять-шесть курточекъ въ блесткахъ, веревочныя снасти, кольца, трапеціи и колѣнопреклоненную въ углу старушку.

— Святая Мадонна! Защити и верни мнѣ ихъ невредимыми!—шепчетъ старушка, вздыхая и простирая высохшія руки къ, сіяющему передъ лампадой, лику.

Обычная вечерняя молитва синьоры Розины.

Чась назадъ она выпроводила въ циркъ своихъ внучатъ Пеппино и Джильду.

Она, какъ всегда, нащупала—на мѣстѣ-ли, на груди у нихъ ладонки, перекрестила, расцѣловала и въ сотый разъ наказала Пеппино:

— Помни, все дѣлай, только не «мельницу». Я запрещаю, слышишь? А ты, Джильда, будь умницей и не позволяй ему.

— Да, да, бабушка!—отвѣчалъ скороговоркой двѣнадцатилѣтній мальчуганъ съ быстрыми карими глазами, увлекая за собой сестренку.

— Святая Мадонна...—продолжаетъ свою молитву старушка.

Сердце у нея вдругъ екнуло. Выходъ, кажется, Джильды и Пеппино. О, она не ошибается, она чувствуетъ! И старушка заметалась, какъ птица, и участила поклоны...

А тамъ, въ циркѣ публика неистовствуетъ.

— Bravo!—гремитъ раекъ.

— Bravo!—вторяютъ чинно партеръ и ложи.

И на арену въ ослѣпительномъ блескѣ рефлектора, какъ два херувима, красивые, прекрасные, въ третій разъ выпархиваютъ Джильда и Пеппино.

— Bravo! Bravo!

Онъ—въ малиновой испанской курточкѣ, она—вся въ розовомъ, въ костюмѣ бабочки съ нѣжными трепещущими крылышками...

Съ ловкостью кошки взобрался онъ по канату наверхъ высоко подь самый куполь и поймалъ трапецію, за нимъ—Джильда.

— Ну, Джильда, «мельницу»,—шепнулъ ей мальчуганъ на ухо.

— А бабуся?—попробовала она остановить его робко.

Пеппино только усмѣхнулся. Мальчикъ былъ разгоряченъ и опьяненъ успѣхомъ.

— Гопъ!—весело воскликнулъ онъ и повисъ на трапеціи на подколѣнкахъ, погрузивъ курчавую голову въ бездну.—Гопъ, Джильда!—повторилъ онъ.

Дѣвочка покорно скользнула къ нему на руки, и онъ, продержавъ ее минуты двѣ въ воздухѣ и, какъ-бы играя ею и собираясь швырнуть ее внизъ въ широко и жадно раскрытую пасть арены, впился зубами въ каучуковый узелъ на спинѣ, на поясѣ.

Музыка заиграла бѣшенный галопъ, и Джильда завертѣлась въ зубахъ у брата мельницей...

Волосы и алая лента ея разметались, и Джильда вертѣлась-вертѣлась, быстро описывая круги при громѣ апплодисментовъ.

— Bravo! Bravo!

— Довольно!—заоралъ на галеркѣ какой-то сердобольный приказчикъ.

— Довольно, довольно!

Но поздно.

Раздался тихій, зловѣщій трескъ.

Зубы Пеппино не выдержали, и Джильда, испустивъ крикъ и кувыркнувшись дважды въ воздухѣ, полетѣла внизъ.

Пеппино висѣлъ, раскачиваясь, и изъ треснувшихъ челюстей его била кровь, обдавая рубиновыми брызгами внизу блестящіе цилиндры, шляпы и ротондо...

Кто-то постучался въ номеръ и ввалилась кучка людей.

— Синьора, мужайтесь,—говоритъ старый клоунъ.

Онъ дѣлаетъ знакъ товарищамъ, и тѣ бережно кладутъ на полъ какой-то предметъ, завернутый въ плащъ.

Джильда и Пеппино. Они застыли въ холодныхъ объятіяхъ.

Бабушка, какъ снопъ, валится на полъ.

Тихо въ номерѣ. Толпятся у дверей нахмуренные артисты; распростершись у ногъ холодныхъ малютокъ, лежитъ безъ движенія старушка, и на всѣхъ изъ угла кротко глядитъ Мадонна...

Въ это самое время въ циркѣ, сидя у себя въ кабинетѣ, директоръ жирными пальцами, унизанными брилліантами, перебираетъ золотую выручку, два конюха на аренѣ и въ проходѣ старательно заматаютъ слѣды крови, а «почтеннѣйшая» публика мирно храпитъ по домамъ на кроватяхъ...

Карменъ.

Слово замарашкамъ.

(По П. Сталю).

Желая покушать съ аппетитомъ, вы требуете, чтобы скатерть была чистая, тарелки хорошо вымыты, чтобы въ супѣ не попадались волосы и на ножѣ, которыми рѣжутъ хлѣбъ, не оставалось ничего со вчерашняго дня, иначе, разрѣзывая хлѣбъ, вы оставите на немъ грязный слѣдъ.

Мы всѣ согласны съ тѣмъ, что все это безусловно необходимо.

Мы всѣ даже утверждаемъ, что можно пить съ удовольствіемъ только изъ чистаго стакана, хорошо выполосканнаго и вытертаго.

Но, скажите, почему-же вы все это требуете, а сами то, — извините меня,—не всегда бываете опрятны? Почему вы такъ неопрятны?

Почему вы, которой такъ часто и многое кажется противнымъ, почему вы сами не опасаетесь опротивѣть другимъ?

Почему, наприимѣръ, сегодня утромъ вамъ угодно было вымыть только кончикъ вашего прелестнаго носика? Почему вы такъ поскупились водою для вашего лба? Вы ярко освѣщены солнцемъ, а, между тѣмъ, я вижу ясно, какъ будто, темныя тѣни на вашей шеѣ. Откуда онѣ появились? Ужъ не вчерашняя-ли это пыль? Не можетъ быть, чтобы эта пыль сѣла на васъ сегодня: вы, вѣдь, только что поднялись съ постели.

А ваши уши? Нечего дѣлать, хотя этотъ трудъ и весьма для меня тягостный, но я себѣ позволю произвести строгую ревизію вашихъ ушей. Ай, ай! Очевидно, что вы даже не прикасались къ вашимъ маленькимъ ушамъ! Они, бѣдныя, даже капли воды не видѣли! Да знаете-ли вы, что это прямо отвратительно, когда маленькое хорошенькое ухо не представляется внутри чистымъ и яснымъ? Да знаете-ли вы, что это даже хуже плохо высморканнаго носа? Вы, пожалуй, мнѣ скажете, что уши ваши почти позади вашей головы и какъ-бы затерялись въ вашихъ волосахъ и притомъ такія маленькія, что вамъ трудно ихъ найти.

Нѣтъ, такія небылицы рассказывайте кому другому, а не мнѣ. Конечно, вы ваши уши не можете видѣть, противъ этого я не спорю, но всѣ на нихъ, подобно мнѣ, обратятъ вниманіе, быть можетъ, именно потому, что они тонко очерчены и очень красивы. Такъ вотъ, потрудитесь наблюдать за впечатлѣніемъ, которое произведутъ на всѣхъ ваши уши. Откровенно скажу вамъ, что ваша сосѣдка и даже вашъ сосѣдъ за столомъ во время завтрака предпочли-бы охотнѣе имѣть предъ своимъ приборомъ грязный стаканъ, нежели имѣть предъ глазами эти прелестныя, но отвратительно грязныя уши, которыя они лишены возможности отослать немедленно къ судомойкѣ.

Я вижу, вы охотно выцарапали-бы мнѣ глаза, потому что замѣчаете, что еще далеко не конецъ моимъ нотациямъ, и что я мысленно вопрошаю себя относительно другого обстоятельства, крайне для меня непонятнаго. Позвольте васъ просить разъяснить мнѣ, что такое могли вы кушать вчера вечеромъ: яйца, мороженое, шоколадъ? Ваши злополучныя губки, пухленькія и прелестно очерченныя, теперь похожи на два старыхъ, потертыхъ куска раковины.

Желая говорить одну только правду, я признаю въ васъ не только дурное, но и хорошее. Не скрою отъ васъ, что вы красивы, какъ только что распустившійся цвѣтокъ, но этотъ цвѣтокъ—нечистоплотный, неопрятный цвѣтокъ! Чудовищный цвѣтокъ!

Вы закрыли руками лицо. Берегитесь, вы этимъ дѣлу не поможете, такъ какъ ваши ногти въ глубокомъ траурѣ.

Вы говорите, что вы терпѣть не можете наряжаться и прихорашиваться?

Но то, что, къ сожалѣнію, васъ не занимаетъ, занимаетъ тѣхъ, кто о васъ заботится, кто васъ любитъ, кому тяжело видѣть ваши недостатки. Вы не Робинзонъ на необитаемомъ островѣ, пожалѣйте тѣхъ, кто на васъ смотритъ. Неужели вамъ нравятся недостатки въ другихъ? Нѣтъ.

Такъ, въ такомъ случаѣ, почему же вы не уничтожаете въ себѣ недостатки, сильно другимъ не нравящіеся?

Допускаете вы, что люди, наиболѣе васъ любящіе, ваша мать, сестра, отецъ,

могутъ не сегодня, завтра нуждаться въ вашемъ уходѣ, заботахъ о нихъ, какъ вы до сихъ поръ сами постоянно въ этомъ нуждались?

Предположите, что они больны, ранены. Полагаете-ли вы, что если-бы вамъ пришлось приготовить имъ чай и положить въ него сахаръ и вообще касаться ко всему, что имъ нужно и въ чемъ нужно замѣнять ихъ руки своими, такъ какъ они лишены возможности ими владѣть; неужели вы думаете, что, глядя на ваши руки, такія, какими я ихъ вижу, это не вызвало-бы въ нихъ отвращенія къ ѣдѣ и питью, не усилило-бы боль ихъ ранъ отъ прикосновенія.

Надо, чтобы всякій, живущій въ сообществѣ своего ближняго, былъ чистымъ, опрятнымъ. Опрятность, чистота, это—здоровье для тѣла.

Когда вы просыпаетесь, открываете глаза—прежде всего необходимо, чтобы вы привели себя въ порядокъ, это самое важное, самое спѣшное дѣло, и вскорѣ вы убѣдитесь, что, освѣжая себѣ глаза, вы освѣжаете себѣ мозгъ. Надо дѣлать это ежедневно, когда нѣтъ повседневной, постоянной привычки ухаживанія за своей особой, вы, и уходя въ гости, обязательно что-либо упустите и забудете. Лучше остаться дома.

Вы находите, что съ моей стороны безжалостно говорить вамъ подобныя вещи; но если-бы я сегодня не высказалъ вамъ все это съ глазу на глазъ, такъ вскорѣ публично, при всѣхъ о васъ говорили-бы то же самое.

Неужели вы предпочли-бы послѣднее?

Повѣрьте мнѣ, что надо любить, обожать чистую, прохладную воду; не жалѣйте воды для вашей маленькой особы. Вы поливаете въ цвѣтникъ ваши розы; поливайте свою собственную маленькую особу еще усерднѣе: розы вашихъ щечекъ нуждаются въ поливкѣ никакъ не менѣе розъ цвѣтника. Все въ природѣ нуждается въ водѣ; все поливается и все обмывается. Рѣки—это кувшины для туалета всей природы; когда онѣ поднимаются къ небу въ видѣ паровъ, сгущаются тамъ въ облака, такъ только съ той цѣлью, чтобы хорошенько обмыть землю. Облака представляютъ собою губки, скопляющія воду въ пользу лѣсовъ, горъ и долинъ. Представьте себѣ землю, лишенную воды? Да при такомъ условіи погибнетъ даже весь созданный Богомъ міръ.

А вы, дорогая малютка, хотите уклониться отъ очищенія водою, отъ этого всеобщаго, неизбѣжнаго мірового закона!

Повѣрьте мнѣ, послушайте моего совѣта и съ этого дня соблюдайте полнѣйшую чистоту. Чистота все возвышаетъ и все украшаетъ.

Знаете-ли вы что-либо трогательнѣе, что-либо болѣе способное привлечь къ себѣ вниманіе, оказать услугу, благодѣяніе, выразить сочувствіе, какъ чистая опрятная бѣдность? Яркая противоположность этому—отталкивающая нечистоплотность и грязь богатаго человѣка.

Не будемъ уже говорить о томъ, что отсутствіе опрятности во внѣшности даетъ право предположить, что разумъ, характеръ, сердце отличаются такого же рода изъянами. Трудно представить себѣ чистую воду въ грязномъ сосудѣ.

Мысли ясныя, справедливыя, въ головѣ всегда непричесанной—кажутся чѣмъ-то невысказаннымъ, невозможнымъ!

Чистота представляетъ собою одно изъ внѣшнихъ проявленій, которымъ никогда не слѣдуетъ пренебрегать. Домъ, въ которомъ обитаетъ ваша душа, это ваше тѣло. Непростительно допускать, чтобы внѣшность дома давала право быть дурного мнѣнія объ его обитателѣ.

Когда подумаешь, что для того, чтобы избавиться отъ этого отвратительнаго недостатка, достаточно только одного кувшина воды, своевременно использованной, и немножко заботы о себѣ изо дня въ день,—съ изумленіемъ спрашиваешь себя, какъ это такая хорошенькая особа, какъ вы, и, какъ увѣряетъ ваша мама, даже не глупая дѣвочка, можетъ такъ упорно избѣгать чистой воды?

Два негритенка,

(Ихъ веселыя и грустныя приключенія).

(Продолженіе).

Рис. 32.

Вотъ привелъ директоръ
Въ циркъ свой негритягъ;
Тотчасъ ихъ заставилъ
Прыгать, какъ котятъ...

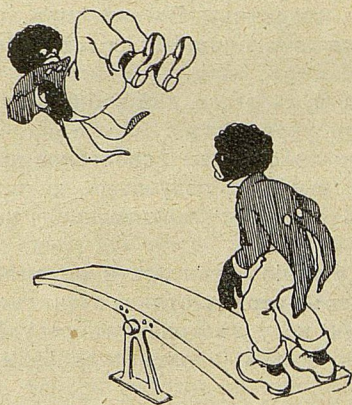

Рис. 33.

Лазать по канатамъ,
Вверхъ и внизъ спускаться,
На песокъ арены
Гнуться, кувыраться...

Такъ проходитъ мѣсяцъ,
Кончено ученье;
Вотъ ужъ выступаютъ
Негры въ представленіи...

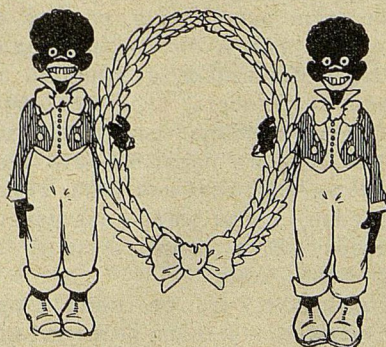

Рис. 34.

Отъ рукоплесканій
Заль дрожить огромный;
Этотъ шумъ смущаетъ
Нашихъ негровъ скромныхъ.

Вотъ конецъ программы...
Проплясавъ кэкъ-вокъ,
Негры получаютъ
Лавровый вѣнокъ...

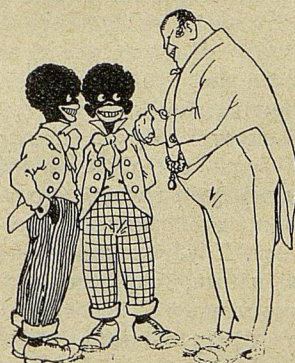

Рис. 35.

Очень радъ директоръ,
Руки потираетъ...
«Васъ успѣхъ блестящій
Всюду ожидаетъ!..»

Говоритъ онъ неграмъ:
«Мы поѣдемъ съ вами
По Европѣ вмѣстѣ,
Быть вамъ богачами!»

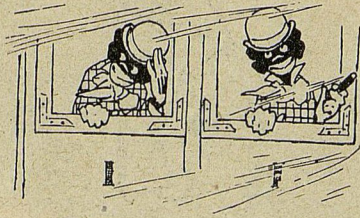

Рис. 36.

Вотъ, еще пробывши
Въ Лондонѣ немного,
Негры вмѣстѣ съ циркомъ
Собрались въ дорогу.

Черезъ горы-долы
Поездъ мчитъ, какъ птица...
Вотъ ужъ передъ ними
Франціи столица...

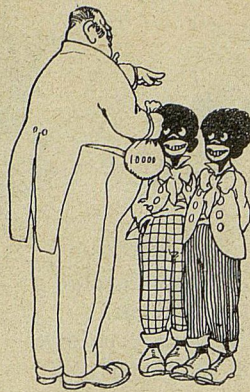

Рис. 38.

Вновь успѣхъ огромный!..
Залъ биткомъ набить,
Отъ рукоплесканій
Въ циркѣ стонъ стоитъ!

А директоръ ловкій
Деньги загребаетъ,
Золотомъ засыпать
Негровъ общаетъ.

Рис. 37.

Пестряя афиши
Гражданъ извѣщаютъ;
Скоро-де въ столицу
Нашу прибываютъ

Славныхъ два артиста,
Негры изъ-за моря,
И дадутъ въ Парижѣ
Представленье вскорѣ!..

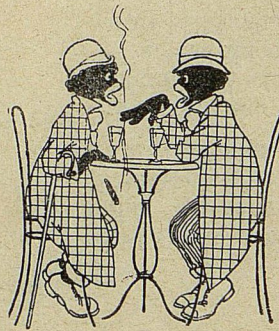

Рис. 39.

Изъ Парижа ѣдутъ
Въ Вѣну и Берлинъ,
И вездѣ блестящій
Результатъ одинъ!..:

Изъ Берлина дальше
Путь ужъ на Москву.
«Охъ, недавно слышалъ»,
Шепчетъ Лулу Лу:

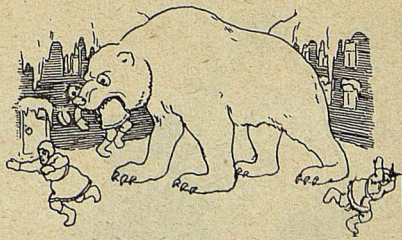

Рис. 40.

«Про страну Россію
Страшныя я вещи!
Въ той странѣ угрюмой,
Дикой и зловѣщей

Бѣлые медвѣди
Бродятъ по столицѣ;
Отъ мороза гибнуть
На лету тамъ птицы!..»

Рис. 42.

Шумъ и гамъ въ столицѣ
И толпы народа...
Полны рестораны,
Нѣтъ нигдѣ прохода!..

Нѣмцы съ цѣлымъ міромъ
Воевать рѣшили;
Флотъ морской и войско
Тотчасъ снарядили.

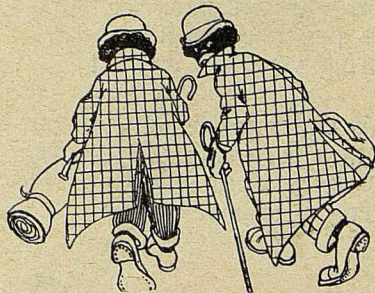

Рис. 41.

Братья негритята
Сильно приуныли...
Убѣжать изъ цирка
Прочь они рѣшили.

Улучивъ минутку,
Живо снарядились,
Выбрались изъ цирка
И бѣжать пустились.

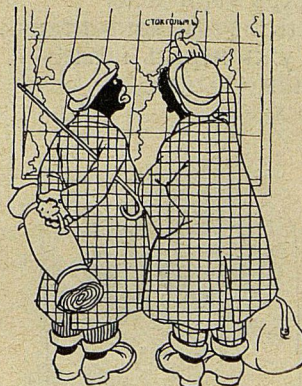

Рис. 43.

Вотъ еще задача
Негритятамъ нашимъ!
Говорить Лу брату:
«Ну, попали въ кашу!..»

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Дядя Самъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ шестнадцатый.

	Стр.
Жалоба сиротки. Стихотвореніе Л. И. Андрусона	258
Собачій хуторъ. Разсказъ Вл. Ленскаго	260
На трапеціи. Разсказъ Карменъ	266
Слово замарашкамъ. Статя (по Стало)	268
Два негритенка. Юмористическія сцены Дяди Сама	270

КАРИНЫ: Одна картина въ краскахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Разсказы для дѣтей. Книга 11-я.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

1915 г.

Цѣнныя подарки дѣтямъ!

3-й годъ
изданія.

продолж. подписка на 1915 г. на двухнедѣльн.

РОСКОШН. ХУДОЖЕСТВЕН. ЖУРНАЛЪ
выдающихся произведеній ДѢТСКОЙ литературы

ЖАВОРОНОКЪ

съ картинами въ краскахъ, приложеніемъ книгъ и подарковъ дѣтямъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Дѣтскіе рассказы, сказки, стихотворенія. Путешествія. Историческіе очерки. Уроки домашняго хозяйства. Рисованіе, музыка, пѣніе, дѣтскій театр, лѣпка. Работы для мальчиковъ. Уроки вышиванія, вязанія, кройки и друг.— для дѣвочекъ. Научныя статьи. Бесѣды съ дѣтьми на религіозныя темы. Спортъ. Физика и химія въ играхъ. Собираніе растений, бабочекъ, грибовъ, монетъ и проч. Рыбная ловля. Астрономія. Задачи, шарады. Игрушки. Дѣтскія моды.

БОЛЬШОЙ ОТДѢЛЪ ДѢТСКИХЪ ИГРЪ, РАЗВЛЕЧЕНІЙ И РАБОТЪ.

Постоянное участіе извѣстныхъ русскихъ писателей и ученыхъ.

ПОДПИСАВШИЕСЯ НА 1915 ГОДЪ ПОЛУЧАТЪ:

24 РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВ. ВЫПУСКА Литературнаго и Научнаго журнала ДЛЯ ДѢТЕЙ, въ изящныхъ обложкахъ.

24 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЫ: въ краскахъ, на паспарту фототипіи, автотипіи и друг. для ДѢТСКОЙ КОМНАТЫ.

12 КНИЖЕКЪ съ картинками: РАЗСКАЗЫ для ДѢТЕЙ

ЗАБАВНУЮ СТѢННУЮ КАРТИНУ ВЪ КРАСКАХЪ **СЧАСТЛИВЕЦЪ** худ. В. Циргесъ.

!! ЦѢННЫЕ ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ !!

АЭРОПЛАНЪ БЛЕРЮ
модель изъ составныхъ частей для склеиванія, на 4-хъ листахъ папки.

Точная **ГЛОБУСЪ** какъ научное пособие для склеиванія изъ составныхъ частей на 4-хъ листахъ папки.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
Модель зданія для склеиванія, изъ составныхъ частей, на 2-хъ листахъ.

МУЗЕЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Модель зданія для склеиванія изъ составныхъ частей, на 4-хъ листахъ папки.

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ТЕАТРЪ.
Модель зданія для склеив. изъ составныхъ частей, на 4-хъ листахъ.

ДВИЖУЩИЯСЯ ИГРУШКИ
АЛЬБОМЪ вырѣзныхъ изъ папки ИГРУШЕКЪ - САМОДѢЛОКЪ.

ГЛАВНЫЯ ПРЕМІИ ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

25 **КАРТОНАЖЕЙ ДЛЯ УКРАШЕНІЯ ЕЛКИ**
въ выдержанномъ древне-русскомъ стилѣ, художественно исполненныхъ **ЗОЛОТОМЪ И КРАСКАМИ** на 8-ми листахъ папки, для вырѣзванія и склеиванія.

6 **КОМИЧЕСКИХЪ ГОГОЛЕВСКИХЪ МАСОКЪ**
для дѣтскихъ костюмированныхъ вечеровъ.
Типичное исполненіе красками по рисункамъ **БОКЛЕВСКАГО**. 1. Петръ Петровичъ Пѣтухъ. 2. Кувшинное рыло. 3. Коробочка. 4. Довгочунъ. 5. Собакевичъ. 6. Капитанъ Копѣйкинъ.

5 рублей
на годъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ пересылк. 5 р., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣсяца 1 р. 25 к., на 1 мѣсяць—42 к.
Ред. журн. „ЖАВОРОНОКЪ“, Петроградъ, Невскій, 114.

5 рублей
на годъ

Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.